

В. П. Одинец

*доктор физико-математических наук, профессор,
лауреат Государственной премии Польши*

Мат-мех середины 60-х

Возвращаясь к Третьему Дню Мат-меха

Как-то раз, весной 1997 года, В. Н. Малоземов принес в Педагогический университет на семинар по сложным системам сборник «Из истории мат-меха». Было там интервью Василия Николаевича и В. Ф. Демьянова о первых Днях Мат-меха — в частности, упоминался Третий День Мат-меха (12 апреля 1963 года): «*К следующим дням Мат-меха появились замечательные ребята — Лева Гинзбург, Виктор Муравьев, Андрей Рухин. Это было событие — на третьем ДМ команда I курса обыграла всех в КВН...*»

Интервью дало мне еще один повод вспомнить годы учебы на мат-мехе — с 1962 по 1967. Я был в той «команде I курса», и надеюсь, что вам будет интересно взглянуть на события «до» и «после» глазами рядового участника.

Начну с того, что незадолго до Дня Мат-меха провели «полуфиналы». I курс встречался с III, а IV — со II. На третьем курсе команда была очень неровная. Практически были заметны только два человека — Лева Глузман и капитан команды Миша Громов.

С Мишей я познакомился на «большом» семинаре по топологии («малый» семинар профессор В. А. Рохлин проводил только для студентов I курса). Хорошо помню его постоянное стремление быть первым во всем — и в математике, и за ее пределами. Во время встречи I и III курсов было предложено такое задание: одному из членов команды предлагалось «соблазнить» студентку мат-меха (выбранную из зрителей) на сцене за 10 минут. Из команды III курса «соблазнителем» стал Миша. Он не произносил слов, но вдохновенно играл. Это был единственный номер, который выиграл III курс. Остальные номера ими были проиграны вчистую.

У нас, в команде I курса, были: Лева Гинзбург (капитан) — он свободно играл на скрипке, духовых, импровизировал на фортепьяно, Виктор Ханин — художник, скрипач, гитарист, Андрей

Рухин и я — «стихосложители», Юра Гунько — песенник, силовик, Илья Розин — литератор, концептуалист, Виктор Муравьев — специалист широкого профиля (вместе с В.Ханиным спонсор команды), Гриша Яблоновский — гитарист, иногда повар, Владимир Чернышев — главный оппонент, возвращавший наши заоблачные идеи на землю, Лена Ракова — душа команды, ее сердце. Собирались мы после занятий на квартире у Лены, благо жила она близко от мат-меха, и под руководством Левы готовили «экспромты».

Итак, финал, 12 апреля. Явный фаворит — IV курс (их победа над II курсом была безоговорочной). Лидер команды — Володя Итенберг, по крайней мере по зрительским симпатиям.

Начало поединка: сцена «в зоопарке». Блеснула идея — шархнуть от жюри, как от хищников. Я и Гунько выходим на подиум (Юра изображает мою собаку). Все удалось.

Конкурс второй — математический. Явно проигрываем. Выручает кто-то из болельщиков — кричит, подбадривая члена нашей команды: «Работай всеми четырьмя полушариями!». В итоге ничья.

Следующий конкурс: придумать стихи с рифмой «поэта — портрета». Блеснул А.Рухин: за 7 минут четыре четверостишия. Так мы и победили.

На следующий год, на Четвертом Дне Мат-меха, мы не смогли выиграть у I курса. Это был поединок равных, но первокурсники были чуть-чуть сильнее и ярче. Среди них в первую очередь стоит выделить М.Абкина и В.Трегубова.

Впоследствии члены нашей команды неоднократно включались в различные жюри. Но заслуживает внимания и дальнейшая судьба нашего капитана.

«Персональное дело Л. Гинзбурга»

Музыкальный профессионализм Левы Гинзбурга привел его на III курсе к конфликту с партбюро. Началось все со спортлагеря «Гумиста» около Сухуми. Лева был приглашен туда в качестве руководителя эстрадного оркестра, который должен был выступать в лагере по вечерам три раза в неделю. За это оркестрантам были выданы бесплатные путевки. Кроме того, по устной догово-

ренности с профкомом, оркестранты освобождались от дежурств по лагерю (уборка территории, помощь в столовой и т.д.).

К сожалению, договоренность на месте не была соблюдена. Ребятам настойчиво «попросили» помочь в обустройстве лагеря. В ответ Лева, отбросив всякую дипломатию, ограничил музыкальную деятельность только субботой, и, более того, решил давать платные концерты на стороне.

Поскольку играть бесплатно в спортлагере оркестр отказался категорически, то об этом сообщили в партком ЛГУ для принятия мер. Группа, где учился Лева, выступила за его исключение из комсомола и из Университета. На заседании курсового бюро Лева каяться отказался. В итоге прошло громкое общекурсовое собрание с повесткой «Персональное дело Л. Гинзбурга». Прошло оно бурно. Приняли решение: оставить в Университете, хотя и исключить из комсомола. Думаю, что этот эпизод не остался без следа для Левы, и в 1969 году после успешной защиты кандидатской диссертации он эмигрирует в США.

За пределами математики

Вообще, чем запомнились годы учебы на мат-мехе? Как ни странно — трудом. Я получал огромное удовольствие, разбираясь в лекциях, читая литературу с ручкой в руках. Но это и поглощало много времени. На старших курсах приходилось пользоваться и чужими конспектами.

Вне учебы (кроме преподавания в ЮМШ) запомнились вечера в Главном здании, когда играли и пели преподаватели, когда выступал хор под управлением Г. М. Сандлера. Д. К. Фаддеев после концерта часто шутил со студентами и никогда не старался в гардеробе получить пальто вне очереди, даже когда ему уступали.

Оживленно обсуждались художественные выставки, так же как и новые фильмы, новые спектакли в театрах.

Конечно, важное место занимало лето — и стройотряды, и спортлагерь. В августе 1962 года только что поступившие поехали на уборку картошки. Всем запомнился В. П. Хавин (куратор I курса) с коронным номером — исполнением песни «Жили-были два громалы, один я — другой Гаврила...» Впоследствии и всем курсом, и по группам мы работали на овощебазах.

Конечно, математики не ограничивались изучением только своей науки. Многие посещали лекции профессоров — специалистов в других областях. Особой популярностью пользовались лекции вышедшего незадолго до того из заключения доктора географических наук Л. Н. Гумилева. Увлекали также интересные выступления парапсихолога Васильева, которые сопровождались опытами по телепатии на расстоянии, и студенты-математики охотно участвовали в них. То, что мы видели, едва ли можно считать простым совпадением. А в конце 1966-го — начале 1967-го года доклады по теории относительности, с заметным уклоном в политику, были представлены в ЛОМИ на семинаре тогда совсем молодого Р. И. Пименова (второе заключение ему еще только предстояло).

Мы знали много песен, но сразу выделились песни Б. Окуджавы, А. Галича, а с конца 1966 года — и В. Высоцкого. Из поэтов были популярны Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, Р. Рождественский, Е. Евтушенко. Но в Университете, который в то время целиком располагался на Васильевском острове, именно тогда стал известен и ценим Иосиф Бродский:

*«... На Васильевский остров
Я приду умирать».*

Из зарубежных поэтов популярны были Л. Арагон, Г. Лорка и Э.-М. Рильке.

Художественный авангард еще не был широко известен. Питерский андерграунд только складывался. Мне запомнились картины, которые я видел в квартире своего однокурсника А. Рухина, на 14-й линии Васильевского острова. Картины принадлежали кисти брата Андрея, Евгения Рухина, в будущем известного художника-авангардиста, а тогда еще геолога, высокого (190 см), с окладистой бородой и сильными пальцами.

Заканчивался 1967 год. До выставки в ДК им. Газа¹ оставалось еще 7 лет, а до «пражской весны» — несколько месяцев.

Апрель 1998 года

¹ И. И. Газа был последним, похороненным на Марсовом поле (в 1934 году). Его ^{и ее дочь} дочь Люция стала математиком. С ней вместе довелось работать в Технологическом институте им. Ленсовета в 1967-68 годах.